

Е. В. СОМОВА

Оксфордское движение и исторический роман середины XIX века

Появление в середине XIX века исторических романов Ч. Кингсли «Ипатия» («Hypatia, Or New Foes with an Old Face», 1853), Н. Уайзмана «Фабиола» («Fabiola. A Tale of the Catacombs», 1854) Д. Г. Ньюмена «Каллиста» («Callista: A Sketch of the Third Century», 1856) связано с философско-религиозными исканиями, нашедшими выражение в трактарианском или оксфордском движении (Oxford Movement).

С 1833 года основатель и духовный лидер Оксфордского движения Д. Г. Ньюмен, исследуя кризис англиканства и религиозной веры в целом, публикует серию трактатов «Tracts for the Times» (1833–1841), и от этого заглавия движение впоследствии получило свое название (Tractarian). А. Бриггс отмечает, что в викторианские времена обостряется уходящий корнями в эпоху Просвещения длительный религиозный кризис¹. На фоне борьбы религии и научного знания в общественном сознании обостряются споры вокруг проблем веры. В 1836 году Ч. Кингсли описывает свой век как «сильно нуждающийся в вере и запуганный скептицизмом»².

В представлении трактарианцев растущий рационализм и прагматизм приводят к кризису веры и морали. Дж. Кебл и Д. Г. Ньюмен полагали, что духовному возрождению нации и всей европейской цивилизации может способствовать обращение к опыту исторического прошлого и, в частности, интерес к Средним векам, развитие которого связано с творчеством романтиков и В. Скотта.

Д. Г. Ньюмен, убежденный в том, что понимание прошлого значимо для осознания настоящего, содействовал занятиям трактарианцев переводами и комментариями трудов отцов церкви и проведением параллелей между ранней Церковью и современной. Однако даже в английском переводе данные труды

были доступны лишь немногим читателям, так же как и возобновившаяся в 1850 году дискуссия протестантов и католиков относительно элементов богослужения.

Чтобы полемику университетов и кафедр сделать общедоступной, священники обеих сторон, используя художественные открытия В. Скотта, облачают этико-религиозные искания в форму исторического романа, обращаясь как к библейским образам и мотивам, литературным реминисценциям, так и к конкретным историческим фактам. На это указывает Ч. Кингсли в подзаголовке к роману «Ипатия»: «Новые враги в старом обличье». Текст содержит многочисленные аллюзии на религиозные разногласия в Англии середины XIX века.

С Н. Уайзменом, архиепископом Вестминстера, и священником Д. Г. Ньюменом polemизирует видное духовное лицо и известный английский писатель Ч. Кингсли. При очевидных расхождениях в религиозных взглядах данные авторы исторических романов сходны в своей негативной оценке труда Э. Гиббона «История возвышения и падения Римской империи» («History of Decline and Fall of Roman Empire», 1776), часть которой посвящена изображению первых веков христианства. Д. Г. Ньюмен и Ч. Кингсли отмечают мрачный, насмешливый ум Э. Гиббона, показавшего ранних христиан в неслезном для них свете.

Расхождения в оценке эпохи и взглядах на философию истории у Ч. Кингсли и Э. Гиббона обнаруживаются в трактовке и комментариях одного и того же исторического эпизода — трагической гибели философа-неоплатоника Ипатии в 415 году в Александрии. Краткость и отрывочность исторических сведений о жизни и учении Ипатии, преподававшей философию, математику и астрономию, стали причиной легенд, окружавших

деву-философа. К образу Ипатии, помимо Ч. Кингсли, в мировой литературе обращались Дж. Толанд, Вольтер, Ф. Маутнер. В XIX веке в стихотворении Ш. Леконта де Лиля «Ипатия» (1862) дева-философ становится символом погибающей эллинской культуры, последним воплощением «духа Платона» и античных мудрецов.

Ч. Кингсли, воссоздавая события, опирается на лаконичный эпизод в 47-й главе труда Э. Гиббона. Однако если у историка доминирует идея конца эпохи, ухода великой античной цивилизации, то у Ч. Кингсли размышления об историческом процессе связаны со взглядом в будущее, с определением исторической перспективы. Эпоха Александрии 431 года, на фоне которой развиваются события, рассматривается как важный переходный период между упадком средиземноморской культуры и набирающим силу севером варваров, как страшный («very hideous»), но великий век, «одна из критических эр в истории человечества»³.

Своеобразие романа Ч. Кингсли в том, что действие происходит, в сущности, в области идей, когда сталкиваются христианство, неоплатонизм, иудаизм. Развитие сюжета в соответствии с традицией В. Скотта связано с вымышленным персонажем монахом Филимоном, который, предпринимая путешествие из уединения пустыни в Александрию и возвращаясь обратно, проходит в то же время и путь духовного поиска истины.

Ч. Кингсли, подобно Г. Флоберу, при создании «Саламбо» изучившему множество источников, тщательно заботился о выверенности «местного колорита». По совету английского богослова Дж. Ф. Мориса Ч. Кингсли для воссоздания Александрийской культуры V века обращается к книге Э. Гиббона, трактатам и проповедям Аврелия Августина, трудам неоплатоников. На основе этих исследований Ч. Кингсли были прочитаны лекции в Кембридже и в 1854 году написан очерк «Александрия и ее школы» («Alexandria and her schools»).

В работе лишь упоминается имя Ипатии как яркого философа-неоплатоника IV века,

не оставившего, однако, письменных свидетельств. Судьба Ипатии, ее связь с философскими концепциями эпохи становится объектом художественного изображения в романе «Ипатия». Возникает идея столкновения величественной языческой цивилизации, создавшей культуру, памятники которой обладают непреходящей ценностью и в XIX веке, но клонящейся к упадку, и нового христианского мировоззрения, отрицающего опыт предшествующих веков.

Для стремящихся к синкретизму религии и философии V века особенно актуальны вопросы о происхождении в мире зла, о силах, управляющих судьбами мира, о предопределении и свободе воли. В Александрии появляются новые религиозно-философские школы, близкие к платонизму. У Плотина, Порфирия зло связано с материей. Обреченный мир нельзя улучшить, поэтому мудрый должен заботиться о собственном спасении, изучая высшие тайны мира. На мрачном фоне появляются люди, несущие свет истины, — Тертуллиан, Киприан, Августин Аврелий.

У Ч. Кингсли присутствует идея поступательного развития истории, при котором исторически отжившее становится достоянием прошлого. В финале романа Ч. Кингсли, объясняя состояние мира через двадцать лет после совершившихся событий, выступает в роли историка: «Наступила смертельная агония для философии. Гибель Ипатии была роковым ударом для древней мудрости. Недвусмысленным языком дано было понять философам, что человечество покончило с ними, что история взвесила их на весах и нашла непригодными и что они должны уступить»⁴.

Своеобразным посредником и связующим звеном между тремя главными столкнувшимися силами в романе является Филимон. У Ч. Кингсли он высказывает мысль о ценности языческого знания, опыта прошлых веков, о том, что эпохи не существуют изолированно. Ч. Кингсли подчеркивает, что для любой исторической эпохи свойственна борьба не просто различных партий, религий и социальных сил, а прежде всего общечеловеческих этико-философских категорий: до-

бра, мудрости, знания и невежества, фанатизма, жестокости. Приобщившись «света» знания и красоты в аудитории Ипатии, Филимон не может вернуться обратно «во мрак» монастыря, не открыв для себя обширной мудрости древнего мира.

Помимо вопросов, связанных с философией истории, Ч. Кингсли включает в роман размышления о воззрениях неоплатоников на природу и Божество, подчеркивает большое влияние неоплатонизма на христианство, многие догматы которого были установлены под непосредственным воздействием данной философской системы. Важное место в структуре романа отведено финальной беседе Ипатии с ее учеником Рафаэлем Эбен-Эзрой, прошедшим путь духовного поиска среди всевозможных форм человеческой мысли: от платонизма к стоицизму, эпикуреизму, скептицизму. В романе возникает сопоставление характера и судьбы насмешливого Эбен-Эзры с жизнью Лукиана Александрийского.

Прообразом исканий Эбен-Эзры становится также сложный путь Августина Аврелия от язычества к познанию христианского Бога. Герой Ч. Кингсли, подобно Августину, пребывая в состоянии внутренней борьбы, мучительного духовного разлада, отражает раздвоенность общества и эпохи. Размышления Эбен-Эзры о мрачных глубинах субъективного сознания; истине, обитающей во «внутреннем человеке», о том, что реальность — лишь сон, созвучны мотивам «Исповеди» Августина о призрачности, иллюзорности мира, невозможности достоверного знания.

Исторические персонажи у Ч. Кингсли во многом схематичны и служат для отражения различных аспектов религиозно-философских исканий эпохи, представлений о нравственных категориях, о времени и истории. Августин Блаженный по традиции изображается светилем Церкви, богословом, автором «Исповеди», «О Граде Божием», многочисленных посланий и проповедей.

Взгляд Ч. Кингсли на течение времени и истории сложен и неоднозначен. Подзаголовки и цитата из Екклесиаста в финале романа указывают на то, что, с одной стороны,

Ч. Кингсли размышляет о неизменности человеческой природы и повторяемости прошлого. Роман имеет кольцевую композицию. Начинаясь с описания мертвых песков Нубийской пустыни, откуда герой отправляется в путь духовного поиска, повествование и завершается образом пустыни, в молчание которой возвращается Филимон, так же как и в лоно Церкви, познав, что все в мире — суета сует. В то же время картины финальных глав изображают противоречивую, распадающуюся цивилизацию, ожидающую вторжения варваров и смены эпох, после чего наступит новый виток истории.

Роман Ч. Кингсли как тематически, так и в аспекте религиозных исканий, связан с историческими романами Н. Уайзмана и Д. Г. Ньюмена, в которых доминирует тема мученичества. Роман «Каллиста» Д. Г. Ньюмена, также посвященный эпохе противостояния христианства и язычества, является непосредственным откликом на «Ипатию» Ч. Кингсли.

«Каллиста» относится к католическому периоду творчества Д. Г. Ньюмена. Истоки замысла восходят не только к актуальным теологическим диспутам Д. Г. Ньюмена и Ч. Кингсли относительно традиций патристики в истории развития церкви, но и к личным воспоминаниям и размышлениям. От романа о современности «Утрата и Обретение» («Loss and Gain: The Story of Convert», 1848) Д. Г. Ньюмен обращается к историческому роману со сходной темой — поиска и обретения веры. Роман «Каллиста» создан на основе серьезных историографических исследований, на материале трудов по истории античности и ранней христианской церкви.

В религиозно-философских трудах Д. Г. Ньюмен указывает на сложность человеческой природы. Его цель — исследование глубин души и сознания, обращение к религиозно-философским проблемам. В иерархичном, упорядоченном, согласно Божественному замыслу, мире, где существуют всеобщее единство и взаимосвязь, основные закономерности бытия можно постигнуть раци-

онально и эмпирически. Но человеческое познание и опыт, по убеждению Ньюмена, очень ограничены, особенно если рассматривать их в перспективе истории и вечности.

Одна из важнейших идей теории веры Ньюмена в том, что существует непостижимое, иррациональное начало, и некоторые постулаты не могут быть объяснены логически. По мнению Д. Левина, появляющийся в «Апологии» образ человека как отдельной вселенной, «безграничной бездны» («an infinite abyss of existence»)⁵, дает основание считать, что Д. Г. Ньюмен в своих художественно-философских исканиях «инстинктивно двигался по направлению к теории подсознательного»⁶.

Поиски Бога, истинной веры, места человека в Божественном замысле неизбежно приводят Д. Г. Ньюмена к размышлению над категориями времени, развития, истории. Изменения, движение вперед представляются мыслителю неотъемлемым качеством и материального, и духовного мира. Теория развития у Д. Г. Ньюмена в соответствии с естественно-научными открытиями эпохи не противоречит биологическим теориям эволюции.

В романе «Каллиста» сталкиваются две точки зрения на движение истории. Грек Полемо видит исторический процесс как неуклонное и закономерное стремление к воплощению идеи империи, и современный мир представляется ему законченно совершенным. «Рим в настоящем являет собой идеальное состояние человеческого общества. Как полагали великие мыслители прошлого, порядок вещей не может быть более совершенным. Мы — свидетели апотелесмы («apotelesma») мира, некоего единства в пространстве, длящемся времени и вечности»⁷. Полемо осуждает христиан и Каллисту за неприятие современного мира, который, как им видится, пребывает в упадке и движется к концу времен.

В то же время Д. Г. Ньюмен взглядам Ч. Кингсли на исторический процесс противопоставляет более сложную точку зрения на движение мира во времени. История не стоит неподвижно, и знаки упадка одной эпохи — свидетельство грядущих перемен и наступления другой эпохи. Настоящее

развивается из прошлого, реализует его потенциал. В представлениях о диалектике исторического процесса Д. Г. Ньюмен опирается также на концепцию Августина Аврелия, противопоставленную эллинским понятиям о «космосе» и цикличности времени.

Роман Д. Г. Ньюмена, изображающий противостояние язычества и христианства, «отражает беспокойные воды» современных ему дискуссий (р. VI). Для мыслителей и религиозных деятелей Оксфордского движения было свойственно стремление подчеркнуть враждебность окружающего прагматического мира христианству. В «Каллисте» Д. Г. Ньюмена, как и в «Ипатии» Ч. Кингсли, явственно ощутима параллель между ушедшим в прошлое III веком и современной писателю эпохой. Однако если у Ч. Кингсли фанатичные христиане унаследовали черты упадка поздней Римской империи, то у Д. Г. Ньюмена христиане несут духовный свет.

Действие происходит не в космополитическом Карфагене, а во втором городе проконсульской Африки — Сикке. Описание архитектурного своеобразия города и пейзажи появляются в романе под непосредственным впечатлением от предпринятого Ньюменом в 1832 году путешествия по Средиземноморью.

Контрастом к идиллическому пейзажу, открывающему роман, становится изображение полчищ саранчи, спускающихся на Сикку. Описание нашествия саранчи, как казни египетской («Plagues of Egypt»), выполнено Ньюменом в системе образов и стилистике соответствующего сюжета Ветхого Завета. Данному эпизоду свойственны драматичность и высокое художественное мастерство в передаче ожидания кары небесной. С категорией ужасного связаны в романе сцены бунта в Сикке и преследований христиан, вызванных нашествием саранчи и чумой.

Д. Г. Ньюмен работал, главным образом, в жанре трактата, апологии, философского диалога. Данный опыт оказывает непосредственное влияние и на его романы. «Каллиста» выстроена по той же модели, что и ранний роман «Утрата и обретение». Основой сюжета являются духовные искания

центральных персонажей. В Предисловии Д. Г. Ньюмен раскрывает свой замысел «показать обращение язычницы» (р. IV). Автор проводит героиню от сомнений к уверенности, через трудный путь духовного перерождения к обретению веры.

По сравнению с «Утратой и обретением» художественное мастерство романиста в «Каллисте», несомненно, более совершенно. Воссоздание исторической эпохи, древнего языческого мира достигается с помощью тщательно выверенных деталей и ярких поэтических образов. Д. Г. Ньюмен, обладая, по выражению Г. Левина «историческим воображением»⁸ стремится к гармоничному соотношению исторических фактов и художественного вымысла.

Однако, даже обращаясь к форме исторического повествования, Д. Г. Ньюмен остается тонким психологом, проникающим в глубины сознания. Религиозные искания представляются Д. Г. Ньюмену двойственным процессом. Обретение или перемена веры происходит и на уровне рассудка, когда разум выстраивает определенную систему аргументов, и в то же время сопровождается глубокими переживаниями. Сильнейшее эмоциональное напряжение завершается либо обретением веры, либо потрясением и утратой рассудка («faith or madness»).

Главная героиня, Каллиста, родом из Греции и в начале романа олицетворяет языческую культуру. Как и героини Ч. Кингсли и Н. Уайзмана, она обладает тонким умом, чувством прекрасного. Ей свойственна тоска по некоему идеалу, что проявляется в склонности к философским размышлениям над идеями и образами Платона. В жанровом отношении роман «Каллиста» близок роману становления, поскольку юная героиня проходит путь духовных исканий. Однако в центре внимания Д. Г. Ньюмена в большей степени все же не становление героини, а процесс «conversation» перехода от одной веры к другой, исследование души, пытающейся решить вечную дилемму.

В финале романа духовное путешествие героини завершено. Сцена мученичества Кал-

листы, являясь кульминацией, представлена у Д. Г. Ньюмена как своеобразный катарсис. Каллиста «приводит в равновесие временное и вечное; ее мученичество символизирует грядущее торжество христианства, а не историческую безысходность» (р. VII).

Исторический роман Д. Г. Ньюмена «Каллиста», воссоздающий интеллектуальные и эмоциональные искания героев, подготавливает появление исторического медитативно-философского романа конца XIX века, представленного в творчестве Дж. Элиот и У. Пейтера.

Специфика жанра романов Ч. Кингсли «Ипатия» и Д. Г. Ньюмена «Каллиста» определяется, прежде всего, тем, что они созданы в рамках «религиозно-исторического» романа, основаны на антикварном материале из истории ранней церкви и вызваны к жизни Оксфордским движением. Романисты не просто детально воспроизводят эпоху, решая одновременно актуальные религиозные вопросы, но также обращаются к сложным этико-философским исканиям, показывая столкновение различных философских систем, включают в художественное повествование размышления о философии истории и закономерностях развития исторического процесса.

¹ Briggs A. Victorian People: A Reassessment of Persons and Themes. L., 1965. P. 36.

² Цит по: Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830—870. Yale, 1985. P. 7.

³ Kingsley Ch. Hypatia, or New Foes with an old Face. N. Y., 1897. P. VII.

⁴ Кингсли Ч. Ипатия / Пер. с англ. Н. Белозерской. М., 1936. С. 330.

⁵ Newman J. H. Apologia pro vita sua / Ed. A. Culler. L., 1956. P. 82—83.

⁶ Levine G. The Boundaries of Fiction: Carlyle, Macaulay, Newman. Princeton, 1968. P. 170.

⁷ Newman D.G. Callista: A Tale of the Third Century. L., 1898. P. 105. Далее ссылки даются на это издание с указанием страницы в скобках.

⁸ Levine G. The Boundaries of Fiction: Carlyle, Macaulay, Newman. Princeton, 1968. P. 233.